

ШАБА 1

До Нового года оставалось чуть меньше двух недель. Судорожные метания по магазинам в поисках до сих пор не купленных подарков и необходимых к торжеству продуктов грозили перерасти во вселенскую катастрофу. Каждый вечер город застывал в многокилометровых пробках. Некоторые, оставляя машины на стоянках, предпочитали городской транспорт или метро. Стоя плотными рядами в вагонах и автобусах, люди задыхались от запахов чужого пота, мокрой шерсти вязаных шапок, пропитанных влагой перьевых курток и промокших кожаных ботинок и сапог. И это было не меньшим испытанием, чем невроз в собственной машине, прочно застывшей у чужих задних фонарей.

И то, и другое было скверно. Это портило настроение, подтачивало здоровье, грозило обесценить главный праздник в году.

Люди сердились на городские власти, расположившие торговые центры не там, где надо, на погоду, засыпавшую город снегом. Колеса утопали в бурой каше, машину таскало, стекла и зеркала покрывались коркой, и «незамерзайка» уходила ведрами.

Люди сердились на цены, взвившиеся в канун праздника. На продавцов, смотревших недобро.

На других покупателей, выхвативших из-под носа тот самый последний недорогой, но достойный, по отзывам, блендер, который пошел бы в подарок двоюродной сестре твоей девушки.

Люди сердились друг на друга: на мужей и жен, сестер, братьев, детей и тещ со свекровьями. Они суетливо перемещались в огромном человеческом муравейнике, затаптывая своей бегомней самое важное, бесценное — предвкушение таинства.

Он ничего такого не делал: не бежал, не выхватывал из чужих рук, не сердился, не стоял часами в пробках, не нюхал мокрых шарфов и курток. Он гулял, наблюдал, ждал. И был от этого счастлив.

Он везде перемещался пешком, особенно в последние дни. Он шел в парк, раскинувшийся в паре километров от его дома. Ходил по расчищенным дорожкам. Подолгу смотрел на елки. Под толщей снега еловые лапы отяжелели и безвольно повисли. Деревья напоминали ему старых баб с обреченно опущенными руками и никогда не казались ему красивыми.

Такой была при жизни его мать — уставшей, унылой, безвольной, некрасивой. Она не хотела и не пыталась бороться никогда и ни с чем. Она позволила своему бывшему мужу — мерзкому, жесткому, лишенному любых человеческих достоинств чудовищу — забрать его у нее. Единственного ребенка, смысл ее жизни, единственное существо на земле, которое ее по-настоящему любило.

— Прости, миленький, — шептала она сквозь слезы в дни редких свиданий с сыном. — Прости меня. Тебе с ним будет лучше. Он даст тебе

достойную жизнь. Он даст тебе образование. Ты вырастешь, станешь достойным человеком. И когда-нибудь сможешь простить меня...

Он так ее и не простил — не успел. Мать умерла: от болезней, одиночества, нищеты. Она не пыталась бороться со всем этим: как следует лечиться, найти себе кого-нибудь, устроиться на достойную работу. Она жила, как насекомое, и все ждала, что придет кто-нибудь сильный и прихлопнет ее, уничтожив ее бесполезную, никчемную жизнь.

— Твоя мать издохла от голода, — сообщил ему папаша за воскресным обедом.

Походя, как бы между прочим. Жрал огромный ростбиф с запеченными овощами, чавкал и говорил в этот момент о ее смерти. Голодной смерти!

— А знаешь почему? — спросил папаша и поднял на него тяжелый взгляд ледяных змеиных глаз.

Его щека была раздута, а за ней — огромный кусок мяса и целый кочанчик цветной капусты.

— Потому что не ела, — ответил он, пристально глядя на раздувшуюся щеку отца.

— Не, потому что дура. — И он продолжил жевать, набивая толстый живот продуктами, которых матери не хватило, чтобы выжить. — Была бы умная, попросила бы помощи. Нашла бы работу. Я бы помог. А она дура, потому что гордая. Вот в гордости своей и сдохла. И кому, скажи, от этого хорошо?

— Никому, — ответил он, задумавшись.

Ему лично от этого было уже никак. Мать на тот период совсем перестала с ним видаться.

— Так будет лучше, дорогой, — сообщила она ему пару лет назад по телефону.

Мать не уточнила кому, но понял, что всем. Ей не придется хлопотать и добиваться свиданий с сыном, а перед этим тщательно приводить себя в порядок. Его отцу — делать вид, что он рад встрече матери и сына. Ему самому — изображать сыновнюю любовь. На тот момент он совершенно охладел к матери...

Он везде в последние дни ходил пешком. Перемещаться на машине не было никакой возможности, а ездить общественным транспортом он не любил. Сейчас его выручали ноги и длительные тренировки, которые его отец проводил с младых ногтей. Поначалу для него это было пыткой, а потом втянулся и сейчас уже без этого не мог.

Он преодолел достаточно большое расстояние от стоянки, где оставлял машину, до торгового центра в рекордно короткое время и даже не запыхался. Лишь приобрел красивый румянец и понравился себе в зеркале гардеробной, куда сдавал спортивную куртку и шапку.

— Возьмите номерок, пожалуйста.

Молоденькая девушка с изможденным серым лицом протянула ему кусок пластика с выбитой цифрой и тут же потянулась за одеждой других посетителей торгового центра. Он отошел в сторону, но еще минуты три наблюдал за гардеробщицей.

Что заставило ее в неполные двадцать лет работать именно здесь? Неумение устроиться в жизни? Или нежелание? Не поступила в институт и боится признаться родителям? И тягает теперь чужую мокрую от снега одежду, тащит ее от стойки до вешалок, аккуратно развешивает на плечиках. Старательная? Да, даже очень. Влажные от снега куртки вешает отдельно от меховых

полушубков и светлых пальто. Но почему она именно здесь нашла применение своей аккуратности и старательности? И откуда такой землистый цвет лица? Болеет? Недосыпает? Недоедает?

Стоило ему подумать об этом, как сразу затошнило, а потом на смену тошноте пришел зверский аппетит. Он отошел от гардеробной метров на десять и остановился возле колонны, облицованной зеркалами.

«Я хорош?» — задался вопросом, рассматривая себя с ног до головы.

Ответ родился сам собой: «Он великолепен».

Высокий, гибкий. Мышцы играют при каждом его шаге, но не той тяжеловесностью, как у качков, а упругой скрытой силой. Он мог бы с легкостью, стоя у подножия эскалатора, запрыгнуть почти на середину, даже не напрягаясь. Единственное, что потребовалось бы, — точка опоры.

Точка опоры...

Ее ему не хватало, это факт. И не о спорте речь. О жизни.

Мать его отдала, решив за всех: кому будет лучше, с кем и как долго. Папаша этим «лучше» так и не стал. Муштровал его изо всех сил. Детство прошло, как на плацу. К чему готовил, так и не сказал: скончался от сердечного приступа прямо на фирме. Завещал все ему, хотя и грозился неоднократно, что найдет каких-то там племянников, они его дело и продолжат. Чувствовал, старый козел, что он не станет его преемником в бизнесе. Понимал: ему это неинтересно.

— Все спустишь, гаденыш. Знаю. Вижу по глазам, что неинтересны тебе никакие грузоперевозки...

Конечно нет. Неинтересны. Он продал бизнес отца сразу. Как вступил в права наследования, так на второй день и продал. Выгодно, очень выгодно! И хорошо распорядился средствами. Живет теперь обеспеченно, не особенно заботясь о завтрашнем дне. Знал: он безбеден и не голоден — завтрашний день. И долгие годы будет так. Никто не посмеет посягнуть, потому что все было сделано грамотно.

Все у него замечательно. Но вот точки опоры, той самой, о которой пишут, слагают вирши и песни, у него нет.

— Жениться вам надо, барин, — посмеялся вчера над его скукой начальник охраны. — Иначе никак...

А на ком? На ком жениться? Кругом одни шлюхи алчные, неверные, избалованные. Или безвольные, голодные, с серыми замученными лицами, как у гардеробщицы. Он обернулся, искал ее лицо глазами, но за спинами желающих сдать верхнюю одежду не увидел. Народу было много, очень много. И это хорошо. Самое время для поисков. Самое время. Но для начала надо поесть.

Он не стал присаживаться за столик, а просто встал у колонны и начал жадно откусывать от булки с котлетой. Под котлету он позволил положить только лист салата, и все: никаких соусов, огурцов или лука. Это лишнее.

Еда была невкусной, но она позволит ему не ощущать голода в течение двух-трех часов. И место он выбрал самое удобное. Мимо проходили десятки мужчин и женщин всех возрастов, не обращая на него внимания. Стоит себе чужак, давится булкой, смотрит рассеянно по сторонам.

Они не подозревали, что рассеянность эта была наигранной, усыпляющей бдительность. На самом деле он был собран и внимателен, как пантера перед прыжком. Конечно, он не собирался ни на кого здесь нападать, хотя никчемность бытия многих проходящих мимо была очевидна. Но не убивать же за то, что кто-то некрасив или толст, разнуздан или занудлив. Мир тогда бы дико по-редел, да.

Он доел, скомкал салфетку, вытер рот и пальцы. Понес ее к урне и...

И тут он увидел ее!

Девушка, собравшая в себе множество достоинств, шла прямо на него и разговаривала по телефону. Он замер с промасленной салфеткой в руке. Она должна была — просто обязана — натолкнуться на него: он стоял у нее на пути. Слева колонна, справа встречный поток людской массы, сожравшей свою порцию невкусных булок с котлетами и всяким наполняющим дерьмом. Она должна была натолкнуться на него, поймать его взгляд, смутиться, извиниться или рассердиться. Все равно. Но она...

Она неожиданно остановилась, повернулась к нему спиной и проговорила вполне отчетливо:

— Вижу тебя, вижу, милый.

Ее свободная от телефона рука поднялась, пальцы нежно шевельнулись, привлекая внимание мужчины, неспешной походкой сокращающего расстояние между ними.

«Урод! — подумал он тут же. — К такой девушке надо мчаться сломя голову. К ней надо ехать, бежать, лететь, ползти на коленях, а не шаркать подошвами по грязным плиткам торгово-

го центра. Не делать вид, что она тебе безразлична, ты от нее устал, готов бросить, отдать кому-то и сообщить ей об этом прямо сейчас».

Ничего такого он ей не сообщил — ее милый. Он добрел до нее, лениво скользнул губами по ее щеке, пробормотал:

— Приветик, роднуля.

И повел ее к кассе, где продавали чертовы булки.

Он встал за ними в очередь и задрал голову к меню, не зная, что еще взять. Он утолил голод. Десертов не любил. Брать еду, чтобы потом ее выбрасывать, не терпел. Его мать умерла от голода — он об этом помнил всегда.

— Что будешь? — спросил ее мужчина с ленивой походкой и ленивой манерой целоваться.

— Салат. Чай. Как всегда. Ты же знаешь. Зачем спрашивать?

Ее высокий лоб пошел морщинками. А он подумал, что слишком много слов в ее ответе. Достаточно было двух: салат, чай.

— Ты сказала, что голодна.

Мужчина повернул лицо к самой прекрасной девушке на земле и посмотрел холодно и сдержанно.

— Вызвала меня сюда. Сказала, что голодна.

— Ну да. А что такое? — Ее густые ресницы взлетели, взгляд сделался настороженным. — Какие-то проблемы, Андрей?

— Проблемы, черт побери, в том, что я тащился по пробкам в этот торговый центр только для того, чтобы ты съела салат и чай! В этой... — Он повел рукой вокруг себя и с тихим шипением закончил: — Забегаловке.

Андрей замолчал, кожа на скулах натянулась. Глаза сузились, когда он ее рассматривал, а потом допрос продолжился.

— Ты не могла приехать ко мне? Мы бы пообедали в приличном месте. И салат там был бы другого качества. И чай! Я бы смог поработать лишних полтора часа, а не торчать в гребаной пробке только ради того, чтобы ты... Съела... Салат... Здесь... Почему, Александра?! Почему здесь и сейчас?

Она молчала, кусая губы. Глаза медленно заволакивало слезами.

— Ты не помнишь? — мотнула она головой. — Ты забыл!

— О чем?

— О том, что сегодня десять лет, как мы с тобой познакомились. Именно здесь. В этой, как ты изволишь выражаться, забегаловке. Я взяла салат и чай. А ты...

— А я, мать твою, устал от твоих вечных причуд! От поводов что-то отметить. Приурочить дату. Обвешаться воспоминаниями, как новогодняя елка шарами. Я устал от всего этого дерьма, Александра, — произнес мужчина злой скороговоркой.

И тут же, улыбнувшись кассирше, принялся делать заказ.

Что имеем — не храним, потерявши — плачем. Эта мудрость так неожиданно посетила его сознание, что он тут же понял: он знает, что будет дальше. Не у него — нет. У этих двоих. И совершенно точно сегодняшней день, ставший десять лет назад днем их знакомства, станет новой датой. Новой. Уже сегодня.

ШАВА 2

— Валечка, ты забыл бутерброды! — громко крикнула из кухни жена, когда он уже обувалялся. — Погоди...

Ее голые ступни звонко застучали по полу — Надюша бежала к нему, в руке пакет с бутербродами. Это было кстати и некстати. Да, он уезжает на место преступления и, скорее всего, пробудет там достаточно долго. Это за городом, где-то в лесу, на лыжне. Поблизости нет магазинов и пунктов общественного питания, и бутерброды пригодились бы. Но...

Будет он там не один, а с целой группой. Не жевать же на глазах у коллег, таких же голодных и продрогших! Он мог бы поделиться с ними, если бы бутербродов было больше. Но их три, всегда только три. Один с сыром. Один с колбасой. Один с ветчиной. И если бы представилась возможность с кем-то поделиться, он бы не знал, что выбрать себе: одинаково любил все. Поэтому бутерброды останутся лежать в машине до его возвращения. Он проглотит их на стоянке, перед тем как пойти домой.

Но Наде знать об этом было необязательно. Это ее обидит, заставит чувствовать себя бесполезной. Допустить подобное Валентин Горелов не мог. Он был благороден и немножечко, совсем чуть-чуть, гордился своим благородством. А еще он очень любил свою жену. И жалел. Особенно после того, как она не смогла выносить их долгожданного ребенка и вдобавок обзавелась диагнозом, приговорившим все их мечты.

— Спасибо, любимая. — Горелов взял в руки довольно увесистый сверток и удивился. — Что-то много тут. Не находишь?

— Это на всех, Валечка. — Она смущенно улыбнулась. — Ты же там будешь не один. Я как-то раньше не думала, извини. Неприлично жевать в одиночку, когда другие смотрят.

— Ты моя хорошая. — В горле сдавило от нежности. — Иди сюда...

Они обнялись и расцеловались. Потом он взял с нее обещание не скучать. Пообещал звонить хотя бы один раз в три часа. Искренне удивился, когда она спросила разрешения пригласить на празднование Нового года свою маму, и так же искренне проговорил:

— Ну конечно. О чем разговор? Валентина Ивановна — душа компании.

Он нисколько не кривил душой. В мужской компании никогда не подхватывал заезженных тем о злобных тещах и анекдотов о них не любил. Его теща была исключительной женщиной.

— Валечка, только такое дело... — Надюша принялась водить голой ступней по полу. — Она придет не одна, можно?

— Так-так-так. — Он глянул заинтересованно. — А с кем?

— Один ее старый знакомый. Военный. Вышел в отставку и вернулся откуда-то с северов. У них там что-то намечается. Роман! — Надя скорбно поджала губы и проворчала: — В очередной раз. Я не одобряю. Не уверена. У мамы просто потрясающая способность попадать в нелепые ситуации с мужчинами. Я, собственно, поэтому и настояла, чтобы она с ним пришла.

— Хочешь моего критического взгляда, — догадался Валентин.

— Угу.

— Одобряю, малыш. Пусть приходит со старым знакомым. Осмотрим, пощупаем, пробьем по всем базам.

Он подмигнул жене и взялся за ручку двери, но ему снова пришлось притормозить. Надюша повисла на его спине и зацекотала шею губами, шепча всякие милые нежности про то, какой он замечательный, понимающий и невероятно красивый.

Интересно, кому бы это не понравилось! Ему нравилось. Уже семь лет нравилось.

В машину Горелов садился в самом прекрасном расположении духа. Даже мысль о том, что сейчас ему придется ехать на место преступления и смотреть на обезображенный труп, не смогла его испортить. Такая работа. Он к ней привык.

Он кивком поздоровался с соседом по подъезду, обметающим свой автомобиль от снега, и через пару минут выехал. Пакет с бутербродами лежал на пассажирском сиденье рядом.

— Что имеем? — спросил Валентин на месте.

Он всегда так спрашивал. Это был его коронный вопрос, на который он жаждал получить исчерпывающий ответ. Старший лейтенант Воронин принялся докладывать:

— Жертва — женщина. Молодая. Лет двадцать — двадцать пять, не больше. Обнаружена лыжниками из коттеджного поселка. Семейная пара Гребневых, ездят каждое утро одним и тем же маршрутом. Девушка лежала возле лыжни. В метре от нее.

— То есть не заметить ее было невозможно.

— Так точно. Даже если бы намело прилично, не обнаружить ее было бы сложно.

— Хорошо. — Горелов издали смотрел на тело, уже накрытое какой-то тканью. — Как она погибла?

— Предварительно: замучена и задушена, лицо обезображено: либо результат избиения, либо намеренно изуродовано. Подробности после вскрытия.

— Личность установить не удалось?

— Никак нет, — вздохнул Воронин, с тоской рассматривая заснеженные ели, обступившие лыжню со всех сторон. — Она совершенно голая. При ней ничего. Собака след не взяла.

— Скверно, — мрачно изрек Горелов.

Он подумал, что празднование Нового года с любимой тещей и ее очередным ухажером под большим вопросом. Если не удастся выйти на след убийцы в ближайшие сутки, дело встанет, повиснет. Их всех начнут трепать, вызывать, требовать. Отсутствие результатов грозит бесконечными дежурствами. И...

— Кто-то знал, что Гребневы здесь каждое утро на лыжах ездят, — произнес он вполголоса и прошелся взглядом по ровной лыжне, исчезающей за плотными рядами огромных заснеженных елей. — Поэтому и оставил ее здесь. Знал и оставил.

— Зачем? — Воронин глянул растерянно. — Чтобы что?

— Чтобы мертвую девушку обнаружили. Чтобы она не пролежала убитой и голой до оттепели.

— Но это...

— Нелогично, хочешь сказать? — Горелов покивал. — Да, нелогично. Если убийца совершил свое злодеяние в состоянии аффекта, а не наслаждался содеянным, он должен был позаботиться о том, чтобы тело никогда не нашли и на него не вышли. Но здесь другое, Сережа. Здесь... Вызов. Я вижу откровенный вызов. Ищите, сыщики! Вот вам тело с явным почерком убийцы, но без возможности идентифицировать жертву. Вот вам место, куда мертвую девушку доставили, но ни единого следа. Собака след не взяла. Значит, этот гад старался. Ой, боюсь, что у нас с тобой, Сережа, маньяк объявился. Ой, боюсь... Но пока молчок. Иначе нас пресса живьем сожрет, а начальство выплюнет. Ну, идем, взглянем на несчастную.

Свежий снег, припорошивший ночью недельные проталины, отвратительно повизгивал под ногами, когда они шли до тела, накрытого тканью.

— Что скажешь, эскулап? — обратился Горелов к Валере Володину, уже складывающему свой инструментарий в объемный чемодан.

— Что скажу, что скажу? — меланхолично отозвался тот, не поднимая головы. — Мучили несколько дней. Некоторые синяки и ссадины свежие, некоторые успели состариться.

— То есть ее пытали.

— Да, если можно так выразиться, — покивал Володин, защелкивая замочки на чемодане, поднимаясь в полный рост и протягивая руку Горелову. — Здорово, Валентин.

— Привет, — откликнулся тот. — Вот ты мне скажи, Валера, пытали как?

— В смысле? — Тот заморгал, залезая во внутренний карман куртки за сигаретами. — Не осторожничали, если ты об этом. Делали очень больно.

— Я не это имею в виду, Валера, — недовольно поморщился Горелов. — Эти пытки носили сексуальный характер? Или пытали с целью выведать какой-то секрет? Подтекст, подтекст какой? Ты его увидел?

Володин молча курил, уставившись на мертвое тело под тканью. Огонек его сигареты почти потух, когда он наконец мотнул головой и произнес со вздохом:

— Не могу пока сказать. Все после вскрытия.

— Лицо изуродовали с целью запутать следствие?

— Может, так, а может, просто били в ярости. Все потом, Горелов. Отстань! Я даже точное время смерти не могу определить. Тело на мерзлой земле лежало. Но сутки назад она еще была жива. Да...

Через полчаса Валентин с Сергеем остались на месте преступления одни. Все пошли к машинам. Тело увезли.

— Пойдем пройдемся, — предложил старшему лейтенанту Горелов. — Ты в одну сторону по лыжне, я — в другую.

— Что будем искать? — Взгляд Воронина заволокло тоской. — Снег же ночью шел. Собака не взяла след.

— Мало ли... Просто осмотримся. Мне интересно, как она сюда попала? До дороги со всех сторон приличное расстояние. На машине сюда не проедешь: парк огорожен, въезды — а их три — узкие. На санках тоже никак. Дорожки расчище-

ны до плитки. Таяло неделю. Не на руках же он ее сюда нес! Хотя... мог, если силен.

— Да мало ли, Валентин, как он ее сюда дотащил! — возмутился Воронин. — Мог через елки, волоком.

— Остались бы следы волочения на земле. Снег выпал, но не так много, чтобы не обнаружить след. И повреждения на теле от волочения были бы, а Володин их не обнаружил. Нет, Серега, ее до парка привезли на чем-то, а потом, возможно, принесли на руках.

— Нести труп через парк на руках? Чтобы тебя увидели?

— Кто? — коротко глянул на старшего лейтенанта Горелов. — Представь... Три часа ночи. Фонари, по имеющимся у меня сведениям, к этому времени в парке отключают. В два, если быть точным. Камер нет ни одной. Темнота, как... Сам знаешь, у кого — где. До рассвета пять с лишним часов. Можно дюжину несчастных сюда доставить без опасения быть обнаруженным. Но вот то, что до парка ее доставили на машине, бесспорно. Поэтому... После того как мы с тобой прогуляемся по лыжне, ты отправишься в местный отдел и добудешь мне сведения о всех имеющихся в коттеджном поселке камерах, а также на подъездах к нему. Сделаешь копии, отмотришь материал и составишь отчет. К вечеру сведения должны быть у меня. Далее... Хочу знать о супругах Гребневых все, и даже больше. Кто, откуда, как давно, с кем и так далее... Я сейчас к ним отправлюсь побеседовать, но то, что они мне скажут, я уже знаю. Хочу знать что-то еще. Далее...

— Товарищ майор! — занял Воронин. — Да мне этих заданий на пару дней! Не ночевать же на работе!

Горелов глянул в несчастное лицо коллеги и усмехнулся. Наверняка очередной роман с симпатичной девушкой в стадии развития. Он всегда со службы спешил, когда увлекался. Если был один, то не выгнать. До полуночи мог сидеть, работать.

— Ладно. Я сам.

Он повернулся, чтобы уйти по лыжне в сторону леса.

— Валентин Степанович, — окликнул его Сережа. — А что хотели еще поручить?

— А ты угадай, — хмыкнул тот, не повернувшись.

— Чего гадать-то! — фыркнул старший лейтенант вполголоса. — Личность убитой постараться установить. То есть запросить все сведения о пропавших за неделю девушках.

Горелов остановился, обернулся к Сереже с улыбкой и похвалил:

— Молодец. Буду ходатайствовать.

— О чем?

— О подарке к Новому году, — коротко рассмеялся Горелов. — Чтобы выходной тебе дали. Что, Сережа, очередная любовь всей твоей жизни нарисовалась?

Воронин промолчал, рассматривая накатанную лыжню.

— Ладно, ступай уже. Может, что и удастся рассмотреть.

— Что хоть ищем-то, товарищ майор?

— Ищем... — Горелов натянул на уши вязаную шапочку, повыше поднял воротник зимней куртки. — Что-то, припорошенное снегом, старший лейтенант. Следы... Ищем следы. Любые! Встречаемся в отделе вечером. Все, до встречи. Да, и порадуй меня чем-нибудь...

Он прошел по лыжне почти полтора километра — специально засек на шагомере, — когда обнаружил то, что не до конца закрыл снег, вяло сыпавший ночью.

Горелов встал как вкопанный, уставился на снег и тут же полез в карман за телефоном.

— Валера, вы далеко отъехали? — спросил он сразу, как Валера снял трубку. — Надо возвращаться. Я кое-что обнаружил...

Эксперт Коля Усов, вернувшийся с Володиным, ворчал, косился в сторону Горелова и все время бубнил, что след от снегохода мог быть оставлен кем угодно и когда угодно, это не повод возвращать их с половины дороги. И он совершенно точно не станет разгрести снег и искать возможные капли крови жертвы. Шутка ли: до проезжей части — а именно туда вели следы снегохода — почти километр! Но, поворчав положенные пять минут, он взял в руки маленькую метелку, со вздохом опустил ее на корточки и принялся осторожно сметать снег с проступающего под ним следа.

— Чего сопишь над ухом? — сердито глянул он на Горелова, не отстающего ни на метр. — Ступай, ступай, Валечка, по своим делам. Свидетелей опрашивай. Личность жертвы устанавливай. Мне тут работы до темноты.

— Позвонишь, ворчун? — Горелов отступил к лыжне.

— Позвоню. Ты Володина забери. Чего ему со мной маяться. У него своих дел уйма.

Майор Горелов усадил Володина в машину старшего лейтенанта Сережи Воронина и посоветовал набраться терпения.

— На месте еще работа есть, Валера. Сереге в отдел местный надо: камеры пробить, если таковые имеются. Ну и...

— Не печалься, Валентин. Я не спешу. Подремлю в машине, пока твой старший лейтенант работу будет работать. Все одно он раньше освободится, чем наш следопыт. Тому еще метелкой махать и махать. Но отчета рано не жди. Сам видишь, у меня обстоятельства. Сам-то сейчас куда?

— К семье любителей ранних лыжных прогулок. Да, и чтобы тебе не так грустно было в ожидании, Валера, на вот, держи. — Горелов сунул ему в руки увесистый пакет с бутербродами. — Сыр, колбаса, ветчина. Свежее и вкусное. Все, до связи...

ШАВА 3

Они совершенно точно выйдут на нее. Рано или поздно. Особого ума не надо, чтобы сложить два и два. Не те, так другие, но выйдут. И ее жизнь, никогда не ценившаяся особенно дорого, перестанет что-то стоить вообще. Ее сотрут, как ненужный файл. Прихлопнут, как комара, и разотрут. О ней и вспомнить будет некому, потому что у нее никого нет. У Тани было полно знакомых, а никто и не

вспомнил, хотя ее нет уже две недели. Можно только догадываться, что с ней и где она. Но не очень хотелось, потому что сразу пропадал сон и аппетит.

Она взяла ложку и осторожно тронула ею поверхность остывающего супа. Еще каких-то три недели назад эта тарелка опустела бы за минуту. Она привыкла быстро есть — в детском доме приучили. Сейчас же кусок в горло не лез.

— Маша, ты чего застыла? — толкнули ее в плечо.

Она повернулась. Сзади стоял Игорек — охранник по этажу — и загадочно улыбался.

— Суп не нравится? — поинтересовался он, наклоняясь к самому уху.

— Нормальный суп.

Она не сделала попытки отодвинуться, хотя близость Игоря была ей неприятна. С первого дня их появления на этаже он приставал к ним — к ней и Тане. Считал своим долгом навязываться в провожатые, называя это опекой. Хорошо, хоть руки не распускал. Пока...

— Вы, детдомовские, наивные. Обмануть любой может. Мне велено за вами приглядывать.

Врал или нет, неизвестно. Но замечаний ему никто не делал, когда он отирался возле гардеробной, хотя должен был ходить по всему этажу и следить за порядком.

— «Нормальный суп», — передразнил ее Игорек, придвинувшись настолько, что его подбородок улегся ей на плечо. — Чего тогда киснешь? Перерыв заканчивается. Заболела, что ли?

Мысль показалась ей удачной.

— Да. Наверное. — Она потрогала лоб ладонью и болезненно поморщилась. — Температура, что ли? Не пойму.

— Чего это вы с Танькой на пару взялись болеть?

Игорек отлип от ее спины, обошел столик и уселся напротив. Взгляд, которым он исследовал ее лицо, был липким и опасным.

— Кстати, чего это она на звонки не отвечает? Ей старший звонил, хотел узнать, когда она на работу выйдет, а телефон вне зоны.

— Сама в шоке. — Маша подняла на него честный взгляд. — Она мне пять тысяч торчит и слилась, по ходу.

— Серьезно? — сразу поверил Игорек и досадливо сморщил малосимпатичное лицо. — Ну, тогда все ясно!

— Что ясно?

— Выпросила аванс и пропала. И у тебя заняла. У меня, к слову, тоже.

Низкий лоб Игорька, наверное, пошел глубокими морщинами — под челкой было не видно. Но он очень смешно сдвинул брови, а когда люди так делают, лоб морщится. Это были ее личные наблюдения.

— Слушай, Машка, может, она просто сбежала, а ни хрена не заболела?

Это было бы лучшим вариантом, только вряд ли могло быть правдой. Таня не могла сбежать просто так. Здесь у нее была работа, за которую неплохо платили. В городе — квартира, своя собственная, выданная ей государством как круглой сироте. Таня квартиру свою любила, стерегла от посторонних. В гости никого не звала, даже Машу.

— Это мое личное пространство, — любила говорить Таня. — Все мое, включая цветочки на обоях. И посторонним там делать нечего.

Чтобы она бросила все, о чем мечтала долгие годы сиротства, и сбежала? Вряд ли. Но в это хотелось верить.

— Может, и сбежала, — произнесла она, глянув на Игоря с неожиданно появившейся надеждой. — Она могла быть такой, знаешь, безголовой.

— Вот вы — детдомовские — все такие. Приручаешь вас, приручаешь, а вы все в лес смотрите, — произнес Игорек с сожалением и поднялся со стула, взглянув на нее строго. — Доедай свой суп и за стойку. Мария Яковлевна тебя вечно подменять не будет...

Марии Яковлевне придется ее подменять уже завтра целый день, потому что завтра у Маши законный выходной. И если эта старая ворчливая карга не согласится, пусть ищут кого хотят. У нее на завтра свои планы.

Мария Яковлевна неожиданно согласилась и даже напросилась к ней в напарницы.

— Не велик труд куртки на плечики вешать, — бубнила она в конце дня, переодеваясь вместе с Машей в раздевалке. — Это не на стройке и не в уборщицах. Доводилось, знаю...

Маша деликатно поддакивала, но почти ее не слушала. Она аккуратно свернула рабочий халат и положила в корзину для стирки. Надела футболку, свитер, переобулась из тапочек в короткие сапожки на шнуровке. Обмахнула их фетровой тряпочкой, хотя нужды никакой не было — сапожки и так чистые. Просто они были новыми, модны-

ми, и Маша их берегла. Она покосилась на зеркало и скрыла улыбку. Ботинки преображали ее ноги невероятно: те казались длиннее, стройнее. Танька завидовала и советовала не выпендриваться и надевать теплые колготки, а не тонкий капрон, но Маша ее не слушала. В толстых теплых колготках она уже находилась.

— Ножки-то как струнка, — прищелкнула языком Мария Яковлевна, поймав Машин взгляд в зеркале. — Парнишку бы тебе путного, девочка, да семью создать крепкую. Сиротство-то оно еще никому на пользу не шло. Игорек чем тебе не пара? Вижу, вижу, как он в твою сторону смотрит. У него и родители приличные...

Схватив куртку с крючка в своем шкафчике и успев покоситься в левый угол фанерной конструкции, Маша быстрым шагом вышла из раздевалки. Мария Яковлевна постоянно их с Таней кому-нибудь сватала. Но основным претендентом всегда оставался Игорек, доживший без семьи и детей аж до тридцати пяти лет. Сам он себя называл слишком разборчивым, а Таня — никому не нужным.

Таня, Таня, Танюха...

Куда же подевалась? Почему телефон отключен и свет в окнах не горит? Неужели случилось самое страшное, то, о чем Маше даже думать невозможно без внутренних судорог? Но ведь никто не знал и не мог знать, что они с Таней натворили. А предполагать можно до бесконечности, в каждого пальцем тыкать. Станных людей много. С них и спрос!

Взять, к примеру, того красавчика, что регулярно посещает их торговый центр. Совершенно,

как Маша предполагает, без нужды. Нет, какая-то цель у него имеется, но это точно не представленные к продаже товары. Ни разу Маша не видела в его руках пакетов с покупками. Он сдает свою куртку в гардероб, через три-четыре часа ее забирает, а руки пустые.

«Странный», — подумала она, выходя на улицу из торгового центра, опустевшего к тому часу. Один из многих странных людей, которых им с Таней приходилось обслуживать. Но из всех он был самым симпатичным, пожалуй. И замечательно подходил той милой девушке, за которой ходил по пятам.

Они были бы идеальной парой. Он — высокий, спортивный, с красивым, немного надменным лицом. Она — среднего роста, с фигурой танцовщицы и прекрасными, хотя и очень несчастными глазами.

О причине ее несчастья Маша не догадывалась, она ее знала. Прекрасная девушка недавно рассталась со своим мужчиной. Ругаться они начали еще в очереди за пальто. Он бубнил тихо и без остановки — губы побелели, глаза страшные. Она слушала и молчала, все ниже и ниже склоняя голову. Она не плакала, но явно была раздавлена тем, что едва слышно наговаривал ей мужчина.

— На этом все, Саша, — услышала Мария, подавая им их одежду. — Все кончено...

И он ушел, оставив ее одну с пальто в руках. Девушка корчилась от душевных мук с левой стороны колонны. А с правой стороны стоял тот самый симпатичный спортсмен и украдкой наблюдал за ней. Он не сделал ни единой попытки

подойти и утешить ее. Просто стоял и смотрел: странно, без намека на жалость или сочувствие.

— Да мало ли причин, Машка, почему он на нее тарасился? — рассмеялась Таня, когда услышала от нее эту историю. — Любишь ты выдумывать.

— Нет, погоди. Он совершенно точно наблюдал за ней. И не первый раз. Я голову даю на отсечение.

— Ой, смотри, подруга, отсекут тебе твою башку, если станешь совать ее куда не надо, — предостерегла ее Таня.

А сама взяла и сунула свою непутевую голову явно не туда. И вот уже две недели от нее ни слуху ни духу...

Маша поежилась, накинула капюшон от куртки и потянула молнию, застегиваясь наглухо. Она подышала внутрь воротника, пытаясь согреть шею без шарфа, но не помогло: было очень морозно. Тонкие капроновые колготки, конечно же, не спасали, как и модные сапожки на тонкой подошве. И короткая куртка, и джинсовая юбка. Надо было бежать на остановку, чтобы успеть на автобус. Если опоздает, то до следующего точно превратится в ледяную статую.

И она побежала. Скользила по выскобленным дворником тротуарным плиткам и все равно бежала. Лучше упасть, чем замерзнуть, решила она и прибавила скорости, увидав, как из-за поворота выплывает ее автобус.

Она успевала, точно успевала. Автобус встал на светофоре, и она могла бы не бежать. Запас в две с половиной минуты, а остановка вот она — совсем близко. До нее простым шагом — минута,

а бегом и того меньше. Но Маша бежала, потому что не могла остановиться. Ну и еще чтобы согреться.

Чтобы затормозить, ей пришлось схватиться за стойку остановки: подошвы модных сапожек были невероятно скользкими.

— Уф-ф... — выдохнула Маша.

Она согрелась, и замерзнуть ей теперь точно не грозило. Автобус выехал со светофора. Она повертела головой, осматриваясь. Приобретенная привычка: всегда, прежде чем залезть в транспорт, так делала. Имелся печальный опыт с украденной сумочкой — Маша не смогла сообщить приметы воришки. В полиции только руками развели и призвали впредь проявлять бдительность. Вот она теперь и проявляет.

Никого опасного рядом не было. Две пожилые женщины с палками — любительницы скандинавской ходьбы. Молодая парочка, занятая собой, и мужчина с псом неизвестной Маше породы. Она успокоилась, ее взгляд скользнул за остановку и замер.

По тротуару мимо торгового центра, который десять минут как закрылся, медленно шла та самая прекрасная девушка с фигурой танцовщицы. Она шла одна, ее мужчины рядом не было, да и быть не могло. Он же объявил ей, не стесняясь посторонних слушателей в лице гардеробщиц, что все кончено, и оставил одну с пальто на руках. Как же он мог теперь быть с ней рядом?

Но вот симпатичный наблюдатель...

Совершенно точно именно он следовал за девушкой по пятам. В десяти метрах сзади, крадучись, старательно держась тени. Маша не могла

не узнать его: слишком часто видела. Это точно был он.

— Вы едете, девушка, или нет?

Ей в спину что-то уперлось. Маша вздрогнула и обернулась. Одна из пожилых дам тыкала ей в спину лыжной палкой, подталкивая к распахнутой автобусной двери.

— Да, еду, — строго глянула Маша. — Не следует размахивать вашей лыжной палкой. Это травмоопасно.

— Ах извините. — Дама сморщила лицо в ядовитой ухмылке. — Чуть задела вельможную пани...

Маша вспыхнула, залезла в автобус, уселась у окна и надулась. На ней большими буквами написано, что она из детского дома? Сирота? Почему люди часто обходятся с ней как с существом низшего сорта? Она старается одеваться прилично, работает над выговором, манерами, а все без толку. Непременно находится какая-нибудь тетка, которая нет-нет да и укажет ей ее место.

Маша так увлеклась своей обидой на жизнь, что едва не просмотрела самое интересное. Ей даже пришлось вскакивать с места и бежать в хвост автобуса, вызвав презрительное шипение в свой адрес от дам с палками.

Плевать. Пусть себе шипят. Она ведь едва не просмотрела, как милую девушку с печальными глазами хватает за руку симпатичный спортсмен и тащит в темноту парковой зоны.

Едва не просмотрела.

ШАВА 4

— Валечка, ты опять сегодня будешь поздно?

Надюша стояла на пороге их спальни в узких штанишках до колен и тесной футболке. Пижамка премиленькая, и Надюша в ней чудо как хороша. Нежный румянец со сна, растрепанные кудряшки. Господи, как же он любил ее! И как не хотелось от нее уходить в воскресный день! В прекрасный воскресный день, с обещанной синоптиками великолепной погодой. Он бы с радостью вывез жену за город, на тещину дачу. Покатал бы с горы на окраине поселка, развел огромный костер на заднем дворе, наварил глинтвейну. Они сидели бы на старой дубовой скамье, кутаясь в старые шерстяные одеяла, потягивали горячий хмельной напиток и красноречиво молчали.

Это было счастьем! Счастьем, которое у него забрал мерзкий убийца, оставивший голое мертвое тело девушки в парковой зоне. И вместо сверкающего на солнце инея ему предстоит рассматривать синяки и ссадины погибшей. Ни катания с горы не будет, ни костра.

Пропади оно все...

— Милый, прости.

Надюша на цыпочках подобралась к нему, обняла за шею, прижалась лбом к щеке.

— Я вижу, как тебе не хочется уходить. Прости за нелепые вопросы. Я люблю тебя. Буду скупаться.

— Я тоже, — хрипло пробормотал он, зарываясь лицом в ее волосы. — Иди, досыпай. Рано еще.

Надюша послушно исчезла за дверью их спальни. Он потянулся за курткой и замер.

А может, пора уходить? Летом ему сделали заманчивое предложение, пригласив в Академию преподавателем. Он пожал плечами, не отказавшись и не согласившись, и благополучно забыл. Может, потому, что больше не звонили и не предлагали, а может, просто замотался. А сейчас вдруг вспомнил и, выйдя на улицу, тут же полез за телефоном.

— Предложение то... Актуально, Валентин. Только не сейчас. Давай сразу после Нового года, идет? Созвонимся, встретимся, обсудим.

Голос собеседника был обычен, деловит. Значит, не виляет, можно обсудить. Они условились о точной дате. Горелов спрятал телефон в карман куртки и поднял взгляд на свои окна: свет не горел. Надюша решила досмотреть свои воскресные сны.

Ей он говорить пока ни о чем не станет. Когда получится, тогда и скажет. Совета просить у нее смысла нет: она, конечно, будет «за». Устала за семь лет. Хоть и молчит, не ворчит, как многие другие, но устала.

Все, решено! Горелов завел машину с пульта, подождал, пока немного прогреется, сел и с минуты наблюдал за метанием дворников по ветровому стеклу. Нажал кнопку, выпустив две тощие струйки «незамерзайки», и дворники тут же размазали жидкость, очищая стекло от наледи.

Решено, снова подумал Горелов. Вот поймает убийцу девушки и подаст рапорт о переводе. Нет, не в такой последовательности: поймает, встретится с товарищем, все обсудит, а потом подаст рапорт о переводе.

Решено...

В здание морга он входил, как всегда, со сжавшимися в комок внутренностями. Ничего не мог с собой поделатъ. Не привыкнет никогда! Валера Володин сидел за своим столом в ординаторской перед компьютером и что-то печатал.

— Привет. — Горелов протянул ему руку.

— Вот кому не спится-то, — отозвался тот ворчливо. — Воскресенье, спи себе и спи... Погоду обещают замечательную. Только на лыжную.

— Мы с тобой только с нее, — попробовал пошутить Валентин, но вышло так себе.

Володин шутки не принял, сурово глянул исподлобья.

— Могу ошибиться, но на лыжне она еще была жива, — вдруг произнес он. — Вскрытие показало, что смерть наступила в результате переохлаждения.

— Ты же сказал, что ее задушили! — вытаращился Горелов.

— Это было предварительное заключение, Валя, — одернул его Валера, недовольно поморщившись. — Вот поэтому и не люблю болтать на ветер. Вы сразу версии начинаете строить. Да, ее долго били. Очень долго. Может, неделю. Перед тем как выбросить на снег, душили. Но она была еще жива. Умерла от переохлаждения. Но если бы не замерзла, умерла бы все равно.

— Почему? — Валентин задумчиво листал бумаги, врученные ему Володиным.

— Внутренние повреждения, товарищ майор. Печень, почки... Били со знанием дела. — Он помолчал, поставил точку в документе, поднял на Горелова тяжелый взгляд и добавил: — Уроды.

— Множественное число, Валера? Предполагаешь, что убийца был не один?

— Предполагаю.

— На чем это основано?

— Там все написано, — мотнул головой Володин в сторону папки в руках майора.

— А своими словами?

— А моими словами... — Он откинулся на спинку стула, запрокинул руки за голову, сцепил пальцы на затылке и уставился в потолок. — Есть несколько ударов, предположительно ногами: на ребрах, спине, ягодицах. Так вот, следы — предположительно, подчеркиваю — от разной обуви. Три вида разных мысков я насчитал.

— Три человека? Ее избивали три человека?

Горелов вспомнил худенькое маленькое тело бедной девушки, и ему вдруг резко перестало хватать воздуха.

— Я сейчас, — буркнул он и, выскочив из ординаторской, выбежал на улицу. — Уроды, мать твою! Какие же уроды!

Валера Володин вышел за ним следом минуты через две. Закурил, облокотившись о старый клен, живший у самого входа уже очень-очень давно.

— Это еще не все, майор, — произнес он, выдыхая в мороз густой клуб дыма. — Ее били кастетом. И, повторюсь, если бы она не замерзла, то все равно бы умерла от множественных повреждений внутренних органов, несовместимых с жизнью.

— Кастетом... — эхом повторил Горелов.

Он отошел на метр, нагнулся, зачерпнул горсть снега и швырнул себе в лицо. Через минуту сер-

дито глянул на Валеру Володина, окутанного сигаретным дымом.

— Чего вот куришь? Ты же бросить собирался! — выпалил он, подходя ближе.

— Не собрался, — меланхолично откликнулся Валера, подергивая рабочую куртку, сползающую с плеч.

— Тебе ли не знать, Валера, что делает сигарета с человеком, — упрекнул его Валентин.

— Ага... Знаю... — Он хмыкнул и послал окурок в урну. — А еще я знаю, что способен сделать человек с человеком. Она вот, девчонка эта, не курила никогда. А ее взяли и... Ладно, идем, отдам тебе последние страницы отчета.

Он запросто мог заблудиться в формулировках, если бы не пояснения, которые Валера дал ему по каждому пункту.

— Так что, майор, твоя версия с маньяком не проходит, — произнес он напоследок.

— Каким маньяком? — Горелов почувствовал, как загораются щеки.

— Да трепался твой старший лейтенант Воронин всю дорогу. Все о твоих мыслях и предположениях мне рассказывал. Ты же меня с ним отправил с места обнаружения. Забыл?

— Не забыл.

И предупредить старшего лейтенанта не забыл, чтобы тот держал язык за зубами. А тот трепался всю дорогу. Придурок!

— Нет никакого сексуального подтекста, майор, в нанесенных увечьях. Зверье! Могли просто из пьяного куража избивать, а могли тайну какую-нибудь из нее выбивать. Ее не насильовали. Никаких следов сексуального контакта.

— Все же придержишься мнения, что их было несколько? — Горелов уже стоял на пороге с папкой под мышкой.

— Следы на теле, майор. Они красноречивы.

— А если убийца переобувался? Просто-напросто переобувался? Ее же мучили несколько дней. Так?

— Так.

— Он мог менять обувь.

— Мог. Только есть одно «но», Валя. — Валера печально улыбнулся. — Некоторые увечья разной обувью были нанесены предположительно в одно и то же время. Так что... Ты ищи, майор, ищи. Кстати, что там с кровью, которую наш следопыт Никола Усов вымел из-под снега? Эта кровь принадлежит жертве?

— Генетический анализ пока не готов. Но группа вроде бы совпадает.

— Ты в отдел? — Валера резво засобирился, стаскивая с себя халат и надевая дубленку. — До метро подкинешь? Хотел сегодня своих на каток вытащить, обещал...

Он довез Валеру до метро и потом всю дорогу ворчал, разговаривая с приборной панелью автомобиля. Панель светилась мягким светом, транслируя показатели технического состояния. Все было в норме — не то что в его душе.

— Как так можно?! — воскликнул он, загоня машину на стоянку у отдела. — Избивать неделю слабую девчонку! Ногами, кастетом...

— Не такая уж она и слабая, товарищ майор, — возразил Сережа Воронин. — Неделю пыток выдержала, но так и не проболталась.

— В смысле? — покосился на него Горелов.